

УДК 1.00:001,8

М.П. Завьялова

**ПРОБЛЕМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ
В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ.
CASE STUDY: МОДЕЛИ В ИСТОРИСОФСКОЙ
И СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИЯХ К. МАРКСА**

После Гегеля и, конечно, после марксизма теории Маркса остаются и останутся живыми до тех пор, пока сохранится дефицит денег и пока не исчезнут внутренние проблемы современного индустриального общества, такие как бедность, различные реальные возможности для богатых и бедных и другие подобные экономические трудности.

Том Рокмор. Маркс после марксизма

Показано, что необходимость репрезентации (замещения) реальности определенными теоретическими конструкциями предполагает соответствующую процедуру в научном методе Маркса, которую он осуществлял с помощью когнитивно-эвристических моделей разных видов в зависимости от целей и фокуса исследования. Модельная комбинаторика – это характерный для Маркса методологический прием использования моделей для построения историософской и социальной теорий, что обеспечивает их принципиально системный характер и, соответственно, эвристическую эффективность.

Ключевые слова: методология, репрезентация социально-исторической реальности, когнитивно-эвристические модели в теориях К. Маркса.

В социально-гуманитарных науках была и остается актуальной проблема теоретического знания. Вопреки неблагоприятному отношению к теории сторонников антирационалистических направлений (мистико-эзотеризм, психокосмизм, постмодернизм и т.п.), число которых в последние два десятилетия умножилось, мыслительная рационалистическая традиция продолжается и занимает сильные позиции, особенно в среде академической и вузовской науки. Эта традиция идет от О. Конта, К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера, А. Тойнби, П. Сорокина и поддерживается во второй половине двадцатого века такими известными исследователями, как Ф. Бродель, И. Валлерстайн, А. Франк, Р. Коллингвуд, Р. Коллинз, Э. Гидденс и др., в России – это Н. Моисеев, И. Дьяконов, С. Аверинцев, В. Степин, В. Лекторский, Н. Розов, А. Караганов и ряд других авторов. Эта мыслительная традиция включает в себе огромный интеллектуальный потенциал, освоение которого может послужить основой для действительно новых и адекватных нынешним проблемам подходов мышления и познания.

Нас интересует опыт решения проблемы репрезентации социально-исторической реальности, которая, как известно, имеет основополагающее значение для построения любой теории, а тем более макротеорий, направленных на раскрытие структуры, механизмов, стадий, фаз, форм социально-исторического процесса.

Для современной эпистемологии общим местом является представление о том, что реальность доступна для познания только через призму возможных ее репрезентаций. Феномен репрезентации изначально задается как «запывающий» или вторичный относительно присутствия – презентации, т.е. репрезентация возникает в силу отсутствия (в момент репрезентации) объекта, который она репрезентирует. Репрезентация – «представление одного в другом и посредством другого». К настоящему времени более подробно, чем в социально-гуманитарных науках, изучены особенности и способы репрезентации в естественных науках, особенно в физическом познании, где исследованы методологические и логические средства и приемы построения абстрактных, идеализированных объектов (моделей, конструкторов), с помощью которых в определенном отношении происходит замещение, опосредование изучаемой реальности.

Интересно отметить, что эти и другие особенности построения теоретического знания были сформулированы в 50–70-е гг. прошлого столетия советскими философами и учеными (Э.В. Ильенковым, А.А. Зиновьевым, И.В. Кузнецовым, Б.М. Кедровым, И.Т. Фроловым, В.С. Степиным, В.А. Лекторским и др.) на базе анализа логической структуры «Капитала»: был охарактеризован метод восхождения от абстрактного к конкретному, как он был применен Марксом, были выявлены различные логические приемы и мыслительные техники, использованные в «Капитале», было раскрыто значение методологических идей Маркса относительно исходной идеализированной модели как ядра развития теории не только в обществознании, но и в другой науке, преимущественно в физике.

Поэтому уместным и своевременным является продолжение традиции анализа наследия Маркса в области методологии теоретического исследования социально-исторической действительности. Тем более что для социально-исторической науки, пожалуй, Маркс был одной из главных фигур, внесших свой вклад в их обоснование, создав принципиально иную по сравнению с натуралистической (О. Конт, Г. Спенсер и др.) антинатуралистическую программу социоцентристского институционального типа. Маркс открыл общество как особую, «другую» реальность, отличную от природы, среди важнейших особенностей которой выделил следующие моменты: историчность, включенность в формирование социальной действительности ценностно-когнитивно-практически ориентированных субъектов, системность и органичность общества [4. С. 140].

Естественно, потребовались соответствующие философско-методологические, концептуальные основания и эпистемические средства для философского осмысления и научно-теоретического познания этой «новой» реальности. В этой связи оригинальность Марксовой методологии состоит в том, что он создал метод, который можно назвать социально-критическим, диалектическим (как преемника Гегеля), а правильнее всего – историческим, но таким историческим, который в качестве своего необходимого момента включает критику; можно его определить как своеобразный «критический историзм». Содержательные установки этого метода Маркс кратко и емко сформулировал во введении к «Критике политической экономии» – первоначальном варианте «Капитала» [5. С. 36–40]. Его «Капитал. Критику полити-

ческой экономии», по-видимому, можно было назвать «Критикой экономического разума» (мы согласны с В.М. Межуевым), так как Маркс в ней устанавливает ограниченность основополагающих категорий политической экономии, таких как товар, деньги, прибавочная стоимость, капитал и др., в которых зафиксированы господствующие в современном обществе экономические отношения. Они не являются абсолютными истинами, верными для всех времен и народов. В лучшем случае – они истины относительные, работающие лишь в определенном историческом диапазоне. Их нельзя распространять на всю человеческую историю, делать базовыми для всей исторической науки. Критика здесь понимается не в смысле отрицания экономической науки, а в смысле установления ее разумных границ и пределов. Известно, что Маркс был критиком капитализма, однако он не начинает эту критику как критику эмпирического наличного капитализма, а начинает критику как критику его «экономического разума» – науки о капитализме, т.е. он обращается не к самой действительности капитализма, а к его отражению в общественном сознании – ученых, мыслителей, пытавшихся выразить истину капитализма на языке науки. В этом проявляется важнейшая установка его метода начинать научное исследование не с наличной, эмпирической действительности, а с ее теоретического воспроизведения на первых этапах пусть в простых идеях, абстракциях, на основании которых потом можно строить более сложные построения как синтез «многих определений». Это – требование Маркса «метода восхождения от абстрактного к конкретному» [5. С. 138]. В этой методологии явно сквозит мысль о необходимости репрезентации социальной действительности посредством определенных ее теоретических отображений, т.е. проводится мысль о предпосылочности научного познания. В данном случае оно опирается на имеющиеся уже (или созданные для этих целей) определенные образы, конструкции, репрезентирующие познавательную действительность. На языке современной эпистемологии такое замещение познавательной реальности какими-либо конструкциями определяется как метод моделирования, т.е. использования моделей как важнейшего средства репрезентации изучаемой действительности.

В целях репрезентации действительности Маркс постоянно применяет модели. Последние вводятся в исследовательский оборот разными способами. Первый способ, на который указывает он сам, состоит в том, что в этом качестве могут использоваться уже имеющиеся в распоряжении исследователя философские или научные теории, которые служат как средство более глубокого познания той действительности, которую они отразили. [5. С. 36–40].

Этот способ моделирования был апробирован уже в самых ранних работах Маркса, в которых формировались его первые историософские интуиции и понятия. Здесь мы сошлемся на отечественного исследователя Марксовой историософии К. Кантора, который не только глубоко интерпретирует концепцию Маркса, но и характеризует методологические и эпистемические средства ее построения, среди которых ведущее место отводит методу моделирования. К. Кантор обращает внимание на то, что в самом начале Маркс оказался перед выбором: с чего начинать? С критического анализа реального немецкого государства и права, реальной немецкой действительности, политической и экономической? Этот путь не устраивал Маркса. В середине

XIX века Германия была отсталой страной, «ниже уровня истории». Маркс замечал: «Даже отрицание нашей политической современности обретаётся уже исторической кладовой современных народов как покрытое пылью прошлое... Отвергая немецкие порядки 1843 г., я, по французскому летоисчислению, нахожусь даже в 1789 г. и уже никак в фокусе современности». (Цит. по [3. С. 538]).

Он выбирает другой путь – начинает критический анализ социальной реальности (разоблачение человеческого самоотчуждения в его несвященных образах – права, политики и утверждения правды посюстороннего мира) с критики гегелевской философии права. Последняя была копией, моделью французского и отчасти английского реального государства и права, которые не являются анахронизмом, а находятся в фокусе истории. Поэтому критика копии выступала в то же время и критикой оригинала.

К. Кантор раскрывает сложный творческий характер моделирования реальности в исследовательском опыте Маркса. «Копия в данном случае – сложная мыслительная конструкция, модель действительной истории, с помощью которой можно исследовать действительность. Критическое рассмотрение этой модели означало для Маркса проникновение в действительность, изучение самой истории. Сверка копии с действительностью предполагала наличие и других мыслительных инструментов, материалов, целей, задач, помимо тех, которые воплощены в самой модели. В результате такой сверки, сопоставления возникла уточненная, измененная, преобразованная копия действительности, новая ее модель, но находящаяся к действительности в иных отношениях, чем исходная модель, ибо в этой другой модели осуществлены были другие задачи, имелись в виду другие, далекие цели истории, а не уже достигнутые результаты. Эта новая модель опять-таки была не более чем модель, т.е. мысленное построение, а не сама действительность, но, поскольку она была ориентирована на моделирование иной, нежели у Гегеля, цели истории, она стала проектным предвосхищением действительности в соответствии с ее собственной парадигмой». [3. С. 539]

К. Кантор не без оснований подчёркивает, что «в этой проектной модели было реализовано понимание того, что необходимо преобразование теоретической практики (практики философствования), чтобы стало затем возможно преобразование материальной практики» [3. С. 539].

В Марксовых историософских построениях в роли модельных схем исторического процесса, как правило, выступала гегелевская диалектика, ее категории и законы. Например, для выявления фаз и направленности развития Маркс часто применял триадическую схему: тезис – антитезис – синтез, которая в зависимости от цели и предмета исследования наполнялась более конкретным содержанием: так, в отношении анализа капитализма, классов, государства использовались следующие схемы фаз общественного развития: докапиталистическая (формы собственности, предшествующие капиталу) – капиталистическая – посткапиталистическая (коммунизм рассматривается лишь как переходная форма, где человек освободится от экономической зависимости); общество доклассовое – классовое – бесклассовое; догосударственное (родоплеменная социальная организация) – государственное – безгосударственная (самодействующая общественная организация, са-

моуправление); в отношении выделения фаз развития свободы выделяются 3 ступени на основе критерия – отношение человека к природе: 1) царство необходимости (человек выступает в своей деятельности как «дрессированная сила природы», как момент природы); 2) свобода как осознанная необходимость (здесь природа выступает как момент человеческой деятельности); 3) «царство свободы» (предполагается гармонизация отношений человека с природой, отношение человека к природе как к человеку и человека к человеку как к своему дополнению, а не как к средству) [5, 6].

Другой способ модельной репрезентации, который большей частью применялся при выявлении общих тенденций, закономерностей общественного развития, характеризуется тем, что в качестве моделей выступали общественные процессы, которые, по определению Маркса, приобретали «классические формы», проявляющие сущность в наиболее чистом, незатемненном второстепенными деталями виде. Такие «классические формы» характерны были для классовой борьбы во Франции, для английского капитализма, для древнегреческого государства. Именно они послужили моделями-образцами для исследования сущности капитализма, экономических, классовых, политических отношений.

Наконец, еще одним способом репрезентации было построение эвристических моделей для замещения социальной реальности в целях ее познания. Здесь мы можем опереться преимущественно на работы Г.С. Баранова, в которых он в противовес наивно-реалистическому прочтению Марксовых основополагающих социально-философских категорий (общественно-экономическая формация, базис и надстройка, социальная революция и т.д.) интерпретирует их как модельно-репрезентирующие мысленные конструкции [1, 2]. Он представляет Марксову социальную теорию как иерархию моделей и метафор, которая выстраивается в зависимости от уровня абстрактности и фокуса анализа. В соответствии с данными критериями все Марксовы эпистемологические модели подразделяются на структурно-функциональные и процессуально-генетические.

К первому типу относятся модели «общественно-экономической формации», «базиса и надстройки», «социального организма», «исторической сцены» и «родовой сущности человека».

Модель «общественно-экономическая формация» характеризуется как предельно абстрактная. Именно она претендует в теории Маркса на статус «модели моделей» (система систем), поскольку формируется как грандиозная объединяющая конструкция всех вводимых социологических моделей. Она порождена аналогией с геологическими формациями, в соответствии с которой структура общественных образований метафорически уподобляется архитектонике земной коры [9. С. 53–63].

Формационная модель – это синтез менее абстрактных моделей, с помощью которых репрезентируется идеальная типология обществ, качественно отличных друг от друга по основным системообразующим параметрам.

Модель «базис и надстройка» менее абстрактна. В её основе лежит механическая метафора и наглядный образ здания. В предисловии к «Критике политической экономии» она представлена предельно ясно: «Совокупность производственных отношений образует ... реальный базис, на котором воз-

вышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определённые формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» [7. С. 6–7].

Среди марксистских ортодоксальных школ и течений была распространена фундаменталистская версия связи базиса и надстройки, которую можно свести к следующим пунктам: общество состоит из различных уровней, которые достаточно чётко отграничены и иерархически связаны; изменения на экономическом уровне вызывают изменения в социальной, политической и духовной структурах общества; каузальная причинность действует преимущественно в одном направлении «вверх» от базиса к надстройке.

Г.С. Баранов прав, такая версия не отвечает представлениям самого Маркса. Его аутентичному пониманию более соответствует диалектическая версия, в силу которой отсутствует дуализм базиса и надстройки; они проникают друг в друга многочисленными путями; элементы общества находятся не в однозначно директивных, а во взаимоотношениях; хотя экономическая структура является в итоге определяющей, все же каждый иной структурный уровень обладает собственными каузальными потенциями.

Интерпретация категорий базиса и надстройки в качестве репрезентирующей модели ближе отвечает ее значению в системе Марксовой теории. Данная модель не является универсальным средством репрезентации социальных структур. Она репрезентирует лишь отношения, которые существуют между главными структурами общества и не принимает во внимание множество других переменных, оказывающих радикальное влияние на характеристики и траекторию развития конкретного общества. Поэтому Маркс, стремясь снять ее редукционистичность, применяет альтернативные ей, более конкретные модели. В частности, модель «социального организма», основанную на организмической метафоре, уподобляющей общество живому существу. Акцент на органическую целостность внутренних связей, их переплетение и взаимозависимость, который привносится этой моделью, корректирует редукционистские особенности модели «базис – надстройка». Организм, в отличие от механических сооружений, развивается во времени; его развитие, включающее рост, эволюцию и мутацию, воздействует на структуру отношений, связывающую его отдельные части в единое целое.

Г.С. Баранов справедливо замечает, что излюбленным методологическим приемом Маркса является метафорическая аналогия между общественной жизнью и театром: «люди – авторы и исполнители своей исторической драмы». Модель «исторической сцены» изображает социум как своеобразный театр абсурда. Она используется в связке и в противоположность модели «родовой сущности человека». Если последняя представляет собой определенную систему нормативных критериев Марксова понимания родовой сущности человека (т.е. его представления об универсально-родовых свойствах «подлинной, должной человечности») [8. С. 36–51], то модель «исторической сцены» призвана зафиксировать перманентно актерствующий, патологический («отчужденный») тип человеческой личности, возникающий в деструктивно-дисфункциональных условиях общественного существования и развития.

Таким образом, совокупность структурно-функциональных моделей Маркса охватывает все уровни социальной «этажности»: от индивида до общественно-экономической формации как идеализированной типологической суперструктуры [2. С. 364].

К процессуально-генетическим относятся модели «диалектического развития», «социальной революции», «классовой борьбы».

Модель «диалектического развития» обеспечивает доступ к исследованию движущих причин, механизмов изменения внутри и между общественными структурами. Она позволяет определить ансамбль противодействующих взаимодействий, которые разрешаются в процессе развития социума. В социальном организме именно разрушающий и трансформативный процессы оказываются основой роста и прогресса, социально-исторической преемственности и трансформации одной социальной формы в другую. Однако диалектическая модель – это лишь схема, фиксирующая логику всякого развивающегося процесса. Поэтому ее нельзя отождествлять с каким-либо эмпирическим данным процессом развития как таковым. Содержание, которое может быть выражено данной моделью в принципе, может быть различным. В обществе с дисфункционально-атомистическими связями таким содержанием выступает классовая борьба.

Модель «классовой борьбы» уходит своими корнями в метафорику межвидовой конкуренции в животном мире. Именно в классовой борьбе с наибольшей очевидностью проявляется дисфункционализм подобных общественных систем. Наконец, модель «социальной революции» демонстрирует способ перехода от одной формации к другой или от одного состояния формации к другому, качественно отличному. Данная модель на уровень абстракции ниже, чем модель «диалектического развития». В комбинации с моделью «классовой борьбы» социальная революция может рассматриваться как «высшая точка» нарастания классовых антогонизмов. Но она может быть следствием и более общих причин, например нарастания дисфункции между базисом и надстройкой, производительными силами и производственными отношениями, системообразующими компонентами социального организма как единого целого [2. С. 362–365].

Все процессуально-генетические и структурно-функциональные модели, используемые Марксом, могут сочетаться в самых различных комбинациях, что многократно увеличивает когнитивно-эвристический потенциал достаточно ограниченного числа исходных Марксовых моделей. Следует вполне согласиться с Г.С. Барановым, что онтологизация Марксовых социологических категорий из-за их модельно-метафорического статуса, очевидно, непустима. Они – средство исследования, т.е. следствие инструментального перенесения уже сложившихся концептуальных структур на вновь познаваемые области для их репрезентации в понятиях и терминах данных структур. При этом, однако, сами переносимые структуры (понятия) подвергаются метафорической трансформации (переосмыслению) и наполнению нетрадиционным смыслом с целью их «приспособления» к новым областям, а не выступают в содержательно неизменной (буквальной) форме [2. С. 365].

Сам Маркс так оценивает эпистемическое значение модельных абстракций: «Абстракции эти сами по себе, в отрыве от реальной истории, не имеют ровно

никакой ценности. Они могут пригодиться лишь для того, чтобы облегчить упорядочение исторического материала, наметить последовательность отдельных его слоев. Но... эти абстракции отнюдь не дают рецепта или схемы, под которые можно подогнать исторические эпохи. Наоборот, трудности только тогда и начинаются, когда приступают к рассмотрению и упорядочению материала... когда принимаются за его действительные изображения. Устранение этих трудностей обусловлено предпосылками, которые... проистекают лишь из изучения реально-го жизненного процесса и деятельности индивидов каждой отдельной эпохи» [7. С. 26]

Резюмируем основные результаты статьи. В ней мы стремились выявить и определить методологические приемы и эпистемические средства репрезентации социально-исторической действительности, применяемые Марксом при построении историософской и социально-философской теории.

Мы пришли к выводу, что необходимость репрезентации социально-исторической реальности определенными теоретическими конструкциями предполагает соответствующую процедуру в научном методе Маркса, которую последний осуществляет с помощью когнитивно-эвристических моделей разных видов в зависимости от целей и фокуса исследования: а) специально конструируются средствами абстрагирования, идеализации, аналогии, метафоры и пр.; б) в качестве моделей служат теории (философские или научные) других авторов, в которых представлены те или другие стороны социальной реальности (например, гегелевская «Философия права» и др.); в) общественные формы, проявляющие свою сущность в классическом варианте, т.е. в наиболее чистом, не затемненном второстепенными деталями виде (классовая борьба во Франции, развитие капитализма в Англии, генезис и формы государства в Древней Греции), служили в качестве образцов для исследования общих закономерностей и тенденций социально-исторического процесса.

Модельная комбинаторика – это характерный для Маркса методологический прием репрезентации социально-исторической действительности при построении историософской и социальной теорий, что обеспечивает их принципиально системный характер и, соответственно, эвристическую эффективность и значимость.

Литература

1. Баранов Г.С. Когнитивно-эвристические модели и метафоры в социальной теории К.Маркса // Динамика научного познания и культура. Кемерово, 1990. С. 55–80.
2. Баранов Г.С. Философия метафоры. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. 470 с.
3. Кантор К. Двойная спираль истории. Историософия проектизма. Т. 1: Общие проблемы. М.: Языки славянской культуры, 2002. 904 с.
4. Колпаков В.А. К вопросу об истинности экономической теории // Понятие истины в социогуманитарном познании. М.:ИФРАН, 2008. С. 113–154.
5. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1867 гг. В 2 частях. М.: Изд-во полит. лит., 1980.
6. Маркс К. Экономическо-философские рукописи // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. второе, М.: Изд-во полит. лит., 1974. Т. 42.
7. Маркс К. Предисловие к «Критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13.
8. Маркович М. Маркс об отчуждении // Вопросы философии, 1989. № 9. С. 36–51.
9. Попов В.Г. У истоков идеи общественно-экономической формации К. Маркса // Философские науки. 1985. № 5. С. 53–63.

10. Рокмор Т. Маркс после марксизма. Философия Карла Маркса. М.: Канон-плюс, РООИ «Реабилитация», 2011.

Zavyalova Margarita P. Tomsk state university (Tomsk, Russian Fedration)

THE PROBLEM OF REPRESENTATION OF SOCIAL REALITY IN A THEORETICAL RESEARCH. CASE STUDY: MODELS IN K. MARX'S THEORIES OF HISTORY AND SOCIETY

Keywords: methodology, representation of the socio-historical reality, cognitive heuristic models of Karl Marx

The paper considers cognitive heuristic models in Marx's theories. The author shows that representation of reality using theoretical constructs is an obligatory procedure of Marx's scientific methods. This procedure is done using cognitive heuristic models which vary depending upon the objectives of an investigation. Combining models is Marx's usual method of using models to develop the theories of history and society. It makes the theories systematic and heuristically effective.

References

1. Baranov G.S. *Kognitivno-evristicheskie modeli i metafory v sotsial'noy teorii K.Marksa* [Cognitive-heuristic models and metaphors in the social theory of Karl Marx]. In: *Dinamika nauchnogo poznaniya i kul'tura* [Dynamics of scientific knowledge and culture]. Kemerovo, 1990, pp. 55–80.
2. Baranov G.S. *Filosofiya metafory* [Philosophy of the metaphor]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2005. 470 p.
3. Cantor K. *Dvoynaya spiral' istorii. Istorijsofiya proektizma* [The double helix history. Historiosophy of projecting]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002. 904 p.
4. Kolpakov V.A. *K voprosu ob istinnosti ekonomicheskoy teorii* [On the truth of economic theory]. In: Nikiforova A.L. (ed.) *Ponyatie istiny v sotsiogumanitarnom poznanii* [The concept of truth in the socio-humanitarian knowledge]. Moscow: IFRAN Publ., 2008, pp. 113–154.
5. Marx K. *Ekonomicheskie rukopisi 1857–1867 gg.* [Economic Manuscripts 1857-1867 gg.]. Moscow: Politicheskaya literatura Publ., 1980.
6. Marx K. *Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi* [Economic and Philosophic Manuscripts]. In: Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Politicheskaya literatura Publ., 1974, vol. 42.
7. Marx K. *Predislovie k "Kritike politicheskoy ekonomii"* [The preface to the "Critique of Political Economy"]. In: Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. Moscow: Politicheskaya literatura Publ., vol. 13.
8. Markovic M. Marks ob otchuzhdenii [Marx on alienation]. *Voprosy filosofii*, 1989, no. 9, pp. 36–51.
9. Popov V.G. U istokov idei obshchestvenno-ekonomicheskoy formatsii K. Marksa [At the root of Marx's idea of socio-economic structure]. *Filosofskie nauki*, 1985, no. 5, pp. 53–63.
10. Rockmore T. *Marks posle marksizma. Filosofiya Karla Marksa* [Marx after Marxism. The philosophy of Karl Marx]. Translated from English by I. Borisova. Moscow: Kanon-plyus, Reabilitatsiya Publ., 2011.